его скуке».[56] Каиб умен и добродушен по природе, он любит умных людей, но предпочитает им дураков, так как последние более удобны для поддержания его власти; он не жесток как человек, но тиран, потому что он государь и т. д.

Так Крылов разоблачал самодержавие как противоестественное, враждебное человеку явление, как угнетение физическое и нравственное, не знающее законов и попирающее права человека. Так смеялся он над наивной верой просветителей в идеального государя.

Если заслугой докрыловской «восточной» повести было то, что она констатировала общественное зло, то ее недостаток состоял в неумении правильно объяснить его. Только Крылов сумел увидеть причину несправедливостей не в личных качествах тех или иных людей, а в самой природе самодержавия. Эпиграфом к «Каибу» могли бы быть поставлены слова Радищева: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

«Каиб» как крупное сатирическое произведение был важным явлением для всей русской литературы; для «восточной» повести, в частности, он был закономерным и очевидным концом. Однако широкому кругу читателей, а главное, среднему писателю вряд ли были понятны и доступны мысли, которые казались Крылову очевидными. Кроме того, существовала многолетняя традиция «восточной» повести, которая способствовала ее живучести: «восточная» повесть продолжала по инерции существовать до 10-х и даже 20-х годов XIX века. Но внутреннего развития у нее уже не было. Она целиком обратилась к нравоучению.

В 1790—1800-е годы «восточная» литература в основном предстает как коротенькая назидательная притча, которая печатается наряду со множеством восточных анекдотов и апологов. Характерны уже сами заглавия: «Опасность высокомерия и педантства» («Полезное и приятное препровождение времени», 1795, ч. VIII), «Цена умеренности» («Иппокрена», 1800, ч. VI), «Трудись, делай добро и будешь счастлив» («Благонамеренный», 1818, ч. I), «Кто щедрее?» («Вестник Европы», 1802, ч. I, № 7), «Обращенный скупец» («Вестник Европы», 1802, ч. III, № 9) и т. д.

Застой в жанре обнаруживается и с другой стороны: в 1800-е годы перепечатываются или даются в подновленном переводе повести, уже известные читателю. Так, из 9 «восточных» повестей, помещенных в журнале «Новости русской литературы» (1802—1805), шесть представляют собой переделку или прямое повторение повестей, издававшихся раньше, в XVIII веке.

---

[56] Там же, стр. 350.